

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

*В.П. Васильев*¹

Китайский прогресс

Азия — эта самая огромная часть земного шара, считаемая колыбелью человеческого рода, центром древнего просвещения и рассадником всех религий, при своем огромном народонаселении, при неистощимых дарах природы — никогда не приходила в такой упадок, как в последние 25—30 лет. Мы видим ее униженной, поверженной к ногам Европы; с потерей самостоятельности большей ее части в ней остановилось всякое развитие: города не расцветают, промышленность падает, торговля в чужих руках, образование не прививается. Всюду запустение, гнет, резня. Вот в главных чертах ее положение до последнего времени. Если где еще для сердца представляется отрадное явление, так это в той части Азии, в которой пришлось действовать нам, русским. Мы покончили с набегами кавказских горцев, умиротворили киргизскую степь, водворяем в ней оседлость, строим города и селения и тем соединяем в одно сплоченное русское тело лежащие за ними Туркестан, Кокан[д] — эти Эльзас и Лотарингия, которые достались нам почти без кровопролития и за удержание которых нам нечего бояться. Прошло всего 25 лет, как мы возвратили себе Амур, явились неожиданно-негаданно даже соседями Кореи, и сколько городов и селений уже возникло в этом заброшенном и диком до того крае. От океана до океана раздается русская речь.

Наконец, кто бы за четыре года перед этим поверил, что на юго-вост. от Каспийского моря мы начнем строить железную дорогу, гарантирующую нам беспрепятственное воздействие на Азию, хоть внутри собственных своих пределов!

¹ Васильев Василий Павлович (1818—1900) — русский востоковед, синолог, буддолог, санскритолог. Член-корреспондент (1866), академик (1886) Петербургской Академии наук. Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (1878—1893). Данная статья представляет собой письменный текст актовой речи В.П.Васильева в Санкт-Петербургском университете 1883 г. Первоначально издана как: Васильев В.П. Современное положение Азии — китайский прогресс. Санкт-Петербург, тип. М.М. Стасюлевича, 1883. Печатается по изданию: В.П.Васильев. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева. Санкт-Петербург: журн. «Вестник всемирной истории», 1900. С. 139 —164.

Материал для данной публикации взят из фонда редких печатных изданий Отдела ББО ИНИОН РАН при ИКСА РАН (Синологической библиотеки).

Но Россия, оживляя свои приобретения, вместе с тем, можно выразиться, и похищает их у Азии. Вся остальная часть хотя и находится под надзором, гнетом и управлением Европы, остается все-таки, и утратив свою самостоятельность, принадлежащей азиатцам. Одни мы могли в ней дать перевес не только моральному, но и численному превосходству. В нашей Азии русских теперь более, чем азиатцев. Давно ли мы приобрели Туркестан, а в нем русских, конечно, более, чем в Индии англичан, двухвековых ее управителей. И если Европа не хочет усыновить подносимых ей нами даров, не хочет признавать русской Европы, то Россия останется все-таки Россией, этой справедливо называемой шестой частью света, вновь возникшей на земном шаре и, может быть, еще не достигшей полного своего роста.

Мы дети не востока или запада, мы дети севера, на котором только усиленный труд, неимоверное терпение и могли поддерживать существование человека. Русский в Азии не свой, но и не чужой; он явился в тех местах, которые до него обегали цивилизованные народы юга, востока и запада — персы, греки, римляне, индусы и китайцы. Даже неприхотливые номады и те брезговали большей частью нынешних русских земель.

Являясь в Азию, мы не походим на европейцев, уничтоживших в Америке коренное народонаселение, мы являемся к туземцам помочь им в эксплуатации природы, которой они без нас не одолели бы, мы делимся с ними своими средствами, добытыми тяжким трудом. Мы можем гордиться тем, что пришли в эти края не как завоеватели, а как освободители от тирании, междоусобия и бессилия. Некогда мы сами призывали иноземцев водворять у нас порядок. Теперь другие народы воссылают к нам свои мольбы прийти к ним на помощь. Небывалый в истории человечества и, кажется, не вполне оцененный самими нами факт представляет это современное движение дунган из пределов Кульджи, которую мы возвратили Китаю. Кульджинский край находился под нашим управлением с небольшим десять лет, и вот когда мы передаем его прежнему правительству, исконные его деятели, горожане и земледельцы бегут вслед за нами, оставляя насиженный, обработанный их потом и кровью край, бегут от тех благоденствий, которыми будто богдыхан осыпает своих подданных. Пойдут ли индусы вслед за англичанами, если им придется когда-нибудь оставить страну, которую они благодетельствуют не хуже богдыхана!

У нас много идеалистов, которые осуждают на все лады наше расширение в Азии; не служат ли приведенные факты ясным опровержением их односторонних взглядов; не было ли бы скорее нашим преступлением пред человечеством, если б мы отказались от предписываемых им священных обязанностей не отказывать помогать обиженным.

Что же представляет нам остальная, существенная часть Азии, более богатая и населенная, чем та, которая досталась России? История Турции за последнее время хорошо известна, чтобы говорить о ней. Мы присутствуем при ее разложении и падении: добыча европейских интриг, она трагической смертью Абдуль-Азиса¹ показывает ясно, до чего доводит это подчинение интри-

¹ Абдуль-Азиз (1830—1876) — 32-й Султан османской империи. Был свергнут с престола и позднее убит (Прим. ред.).

гам чужих, хотя и европейских дворов. Персия как будто и не существует с тех пор, как вслед за окончанием восточной (крымской) войны на нее наложили тяжелую руку англичане, отнявшие у нее свободу даже распоряжаться в Персидском заливе. Голос ее заглушается сыпучими песками, налегающими отовсюду на эту некогда цветущую страну. Еще крепче против прежнего держит в своих руках Англия Индию: она уничтожила владения сильных и опасных раджей, не оставила и тени самостоятельности у остальных.

Далее на востоке Франция готовится поставить Кохинхину¹ в такую же от себя зависимость, в какую так недавно привела Тунис.

Но торжество европейского превосходства нигде не выразилось с таким блеском и эффектом, как в Китае; эта последняя и самая великая держава в Азии, оплот ее, была смята и унижена горстью европейских солдат.

Считая тысячелетиями свое мировое значение, презирая все остальное человечество, как не могущее проникнуться его великими принципами, Китай вдруг выбит был из своей проторенной колеи. Не по доброй воле вступил он в сношения с другими народами, открыл иностранцам свободный доступ в свои гавани; скрепя сердце увидел он себя поставленным в необходимость учиться у тех, которых он считал такими невеждами.

Мне невозможно здесь вдаваться в подробности о том влиянии, которое проявлял в прежнее время Китай в Азии. Во все века из всех стран приходили в него посольства, изъявлявшие покорность и умолявшие о доступе. Китайские войска и владения не раз доходили до Каспийского моря — в Персии и Индии не раз распоряжались китайские уполномоченные. Но я нахожу здесь нелишним высказать, хотя в кратких словах, свое мнение о том замаскированном и потому непонятом, кажется, нашим ученым влиянии Китая, которое выразилось в так называемом движении народов, разрушивших Римскую империю. Мы все думаем, что хотя бы это движение и началось от подножия Великой стены, но самих китайцев не было в этих толпах и ордах; мы все думаем, что варвары не имели ничего общего с Китаем, как постоянные враги его. Но мы забываем, что вражда эта ознаменовалась непрерывными вторжениями, сопровождавшимися уводом в плен десятков и сотен тысяч китайцев, что сотни тысяч не раз уходили и сами за Великую стену. Наконец, нельзя еще утверждать, что самые гунны, давшие толчок движению, не были те же переродившиеся в степях Монголии китайцы, потому что коренная их родина была в северном Китае. Монголия никогда не могла сделаться сама по себе кузницей человеческого рода; мы знаем, что номады не способны расплодиться; потому понятно, какая кровь течет в той расе, которую мы называем так неправильно монгольской, какая текла в отдаленное время в пришельцах на западе.

Языки маньчжурский, монгольский и турецкий содержат в себе замаскированные корни китайского. Не могли номады, жившие подле Китая, ничего от него не заимствовать; скорее они не могли ничего создать сами, и всё, начиная от воззрений, учреждений до костюмов, домашнего скарба, вырабатывалось и созидалось для них более развитым оседлым соседом. Приведу для

¹ Кохинхина (фр. *Cochinchine*) — юго-восточная часть полуострова Индокитай (Прим. ред.).

примера самые известные факты. Путешественники времен Чингисханидов передают как исключительный монгольский обычай, чтобы вступающий в юрту не наступал на порог. А между тем это предписание встречается в самых древних китайских книгах. Ученые много толкуют об уйгурском цикле из 12 и 60 лет, а этот цикл находится в китайской летописи, начавшейся за 721 год до Р.Х. Нам говорят о шаманах, волхвах, вызывающих духов, об языческих признаках на могилах предков, о жертвоприношениях керметям для получения урожая — все это было известно в Китае еще до рождения Конфуция. Даже самый варварский обычай класть в могилу с покойным его верных слуг воспевается в первой конфуцианской книге. И мне сдается, что если мы изучим хорошенько костюмы наших инородцев: чуваш, черемисов, мордвы и проч. — с их вычурными узорами, так, может быть, найдем, что это остатки старинных китайских мод, так как об этом заимствовании инородцев упоминается в китайской истории.

Инородцы не раз властвовали над Китаем по частям и в целом его составе, но ошибочно было бы думать, что они успевали в этом собственными силами. Их руководили и проводили сами китайцы, они шли, указывали слабые стороны своего отечества, наполняли войска. Так монголы совершили завоевание всего Китая сначала с помощью окитаившихся киданей, потом пополняли свои ряды уже из среды жителей занимаемого края. Нынешние повелители маньчжуры никогда не были бы в силах осуществить такое завоевание, если бы к ним в Маньчжурию не перебежали китайские войска.

И что всего замечательнее, покорители не только не вводили собственных законов, но старались перешеголять природные правительства в покровительстве китайской учености, в защите китайского мирозерцания; можно сказать, они воспламенялись китайскими идеями сильнее, чем сами китайцы.

Может быть, это последнее обстоятельство и было причиной двухвекового с половиной застоя Китая. Предшествовавшая маньчжурам туземная династия не выказывала такого игнорирования европейских усовершенствований, не была так недоступна иностранцам. Маньчжуры захотели — конечно, тут была и политика — сохранить Китай в его неприкосновенности и чистоте. Новые богдыханы почли своей обязанностью выказать пред нацией, которой они стали управлять, что они поддерживают ее достоинство в глазах всего света, что их империя действительно есть вся та вселенная, которую знали китайцы при начале своей письменности. Не было пределов высокомерию маньчжурского правительства, не было наглости, которой они не позволяли бы себе в отношении иностранных государей и их народов. Все цари — их подданные и иначе не могли называть себя в своих письмах; если бы они лично явились к пекинскому дворцу, так должны были бы пасть ниц; все народы, если и существуют, так только по великодушью богдыхана, который милует и скотов!!! И все вдруг переменялось. Горсть европейцев явилась пред Пекином, разрушила загородный дворец, и азиатец показал, кто он такой. Из высокомерного нахала он превратился в пресмыкающегося раба!..

Унижение Китая в это время стало полное, а с тем вместе, значит, и вся Азия лишилась и последней тени самостоятельности. Можно сказать, что если бы Россия и Англия руководились в отношении Азии общими интереса-

ми, то без их разрешения на всей этой обширной территории не осмелился бы раздаться даже пистолетный выстрел.

Азия под опекой Европы! Но как это, по-видимому, ни противоестественно, однако ж, некоторые факты возбуждают мысль, не поздно ли даже пришла эта опека! Много кричали про жестокую расправу англичан в Индии с возмущившимися сипаями, но что значит все количество жертв этого кратковременного бунта в сравнении с той резней, которую чинил в продолжение 30 лет предоставленный сам себе азиатец. Я говорю об инсurreкции в Китае. Мне неоднократно приходилось выслушивать выражение сомнения насчет высказанных мной печатно предположений, что междоусобица Китая стоила ему не десятков, а по крайней мере доброй сотни миллионов народу. Я опираюсь в своих заключениях на данные. Когда утомленный резней Китай успокоился, то губернаторы провинций стали доносить пекинскому двору, что города разрушены, земель некому обрабатывать, потому что из десяти человек осталось не более двух. Г [енерал]-губернатор северо-западных провинций Шэньси и Ганьсу представлял, что трудно провести войска в западный край, потому что в Ганьсу на пространстве 500 верст не только нельзя найти провианта и перевязочных средств, но даже и жителей; позднейшее путешествие г. Сосновского¹ подтвердило это донесение; по свидетельству пекинской газеты, в одном городе Нинся магометанами было вырезано 300 000 китайцев. В провинции Чжэцзян еще в 1814 году считалось 30 миллионов жителей, а за три года назад губернатор доносил, что тщательная ревизия сосчитала всего с небольшим 11 миллионов душ. Если за 60 лет перед этим в Китае считалось более 400 миллионов жителей, то по этим данным можно судить, до какой степени приближается к правде мой расчет.

О Востоке нельзя судить по нашим нравам и понятиям, там не дорожат жизнью. Мы знаем из истории Китая, что в древние времена из 30—40 миллионов жителей оставалось не раз менее десяти. Монголы вырезали целые города с миллионами укрывавшихся за их стенами городских и сельских обывателей. В прошлом столетии маньчжуры вырезали поголовно всех цзюнгар², мужчин, женщин и детей. Азиатец изнежен и труслив, но, когда он одержит верх, он будет плавать в крови. И если бы когда-нибудь Китай сделался так силен, что его войска появились в Европе или Америке, они потешились бы вдоволь!

Но мыслитель не может не задуматься, что Европе приходится разыгрывать в Азии роль полицейского комиссара. Что же это за человеческий, так восхваляемый прогресс, строй, при котором и люди не дышат свободно, и земля не развивает своих сил. Ужели европейское развитие, так высоко стоящая цивилизация, эти великие успехи и открытия наук имеют своим результатом только задержку развития неразвитых и служат орудием порабощения одних другими. Ужели остаются впереди еще тысячелетия, когда во всем мире воцарятся свобода и просвещение!

¹ Имеется в виду путешествие в Китай экспедиции под руководством полковника генерального штаба Ю.А. Сосновского в 1874—1875 гг. (Прим. ред.)

² Джунгар (Прим. ред.)

И вот, именно вследствие напряженного донельзя давления западной цивилизации в самом отдаленном уголке Азии зарождается новая жизнь. Япония доказывает воочию, что может сделать азиатская держава, когда она поймет несостоятельность той политической и умственной жизни, которой она руководилась; она опровергает ту ложную теорию, которая распределяет силу умственных способностей по расам. В продолжение каких-нибудь 20 лет японцы почти переродились; они не только сбросили с себя прежние халаты, завели телеграф, железные дороги, строят пароходы, но и признали европейские науки своими науками. Многие провидят даже, что в будущем на Востоке явится не менее влиятельная островская держава, как теперь на Западе!

Но Япония пока еще самая незначительная и отдаленная часть Азии; она пока еще не так сильна и богата, чтоб играть значительную роль в жизни всего мира. Невольно обращаются от нее взоры к Китаю. И он тоже начинает просыпаться. По некоторым [признакам. — *Ред.*], он уже совсем проснулся... так было говорено, по крайней мере, когда у нас из-за кульджинского вопроса вышла с ним размолвка; тогда в Европе начали пугать нас миллионными армиями, им поддакивали и наши пессимисты. Теперь некого страшать, и на поверку выходит, что все пробуждение Китая заключается в том, что и китайцы имеют некоторые войска, обученные и вооруженные по-европейски, что они заказывают в Европе и пушки и броненосцы, хотя и завели у себя адмиралтейство, держат дипломатические миссии, руководясь своим, выработанным тысячелетиями правилом дружить с отдаленными, чтоб с двух сторон напасть на ближайших. Если прибавить к этому, что китайцы на днях согласились допустить у себя постройку телеграфных столбов, но не для себя, и будто подумывают о постройке железных дорог, хотя еще недавно сняли рельсы с крошечной линии, построенной для опыта, то из всех этих начинаний еще нельзя вывести заключений о судьбе китайского прогресса в будущем, и я уверен, что если бы Китай оставили в покое, отказались от того давления, которым выбили его из прежней привычной колеи политической жизни, так он мог бы и теперь точно так же, по-прежнему заснуть сном праведника!

Китайцы являются отставшими в образовании, они игнорировали те науки, которые доставили другим народам такое превосходство, они отстали в промышленности, в искусстве, в военном деле. Во всем этом они должны если не опередить другие народы, так по крайней мере сравняться с ними.

Однако ж, не принимая в расчет этого сна, мы, конечно, должны задаться вопросом, в чем же должен заключаться самый прогресс. Некоторые требуют, конечно, чтобы китайцы совершенно отреклись от своей самобытности, всецело усвоили себе европейское образование. Некоторые усумнятся даже, чтобы для китайцев был возможен прогресс и при исполнении этих условий; им покажется даже мало, если они будут только изучать классические языки, римское право, философские системы Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Конта, им покажется мало даже парламентаризма и конституции; только реформация и французская революция создали, по их мнению, превосходство Европы, всякая нация, не участвовавшая в этих великих двигателях прогресса, никогда не дойдет до данного ими европейскому просвещению превосходства.

Но это значило бы не знать китайской истории, чтоб заявлять к Китаю такие запоздалые и излишние требования, частные факты возводить в обязательные законы для жизни всего человечества.

Китай во время тысячелетий своей жизни прошел сквозь более значительные революции и реформации, а все-таки теперь оказался и отсталым и непросвещенным. Он до Р.Х. был знаком с учением о коммуне, о непризнании собственности, он не раз испытывал полную анархию, у него были свои нигилисты и террористы, в самых первых школьных книжках сохранились у них республиканские антимонархические идеи. Но все сгладилось.

Надобно знать китайскую литературу, чтобы видеть, как много китайцы разработали общечеловеческие вопросы, углублялись в смысл каждой буквы тех книг, которые их затрагивают. Гуманность, правда, порядок, развитие умственных сил, честность — вот самые существенные вопросы китайских теорий.

Если бы дело заключалось только в принципах, то Китай мог бы преспокойно игнорировать западное просвещение, потому что имел в своем распоряжении более двух тысяч лет, в которые свободно на просторе обдумывал, что ему пригодно и что основано на правах человеческих, на требованиях здравого смысла. Правда, некоторые принципы находят осуждение у иных западных мыслителей: таков, например, вопрос о почтительности к родителям, легший в основание всей китайской организации, начиная от семьи и восходя до общества и государства; мне кажется, что не вышло бы для Китая большой беды, если бы он остался при этом принципе, несмотря на протест всех будущих его просветителей...

По-моему, беда в том, что Китай чересчур много занимается разработкой своих принципов, носясь в заоблачных пространствах и не желая спуститься на землю, чтоб осмотреться с действительными потребностями. Витая в космополитических идеях, так как он долго воображал себя единственной просвещенной нацией, он забыл, что у него есть народ, к которому заявляют требования другие народы.

Что может быть, например, правильнее и возвышеннее китайских взглядов на науку! Во всем остальном мире нет в принципе такого глубокого к ней уважения. По китайским понятиям, только одной наукой и должно управляться государство. И действительно, мы знаем, что в Китае ни аристократическое происхождение, ни капитал, ни общественное положение и влияние не дают права на занятие государственных правительственных должностей. Только докторская степень по строгому экзамену открывает путь к занятию самой первой, низшей ступени в иерархической лестнице чинов. Но и эти экзамены совсем не то, что наши; у нас нужно только знать данные предметы; в Китае не редкость, что на провинциальные экзамены, которые еще не дают докторской степени, являются до 15 тысяч экзаменующихся; все они могут твердо и хорошо знать все, что требуется знать; но этого еще недостаточно, только одна, две сотни, определенное заранее по штату количество, получают степень провинциального бакалавра, с которой он может уже явиться в столицу для получения докторской степени. Тут опять та же процедура, из 20 000 экзаменующихся выбирают всего только сотни. Следовательно, все эти пра-

вительственные чиновники — цвет учености, ученые из ученых. И Боже мой, какими обширными знаниями могли бы они обладать! Ведь на экзамены в Китай являются даже 80- и 90-летние старики; средний возраст получающих докторскую степень едва ли не будет свыше 35 лет; следовательно, чего-чего не мог бы изучить до этого времени готовящийся! Ведь если правительство и теперь считает каждого из своих чиновников-докторов способным разбирать уголовные и гражданские дела, заведовать финансами, постройками, проведением каналов, командовать войсками, то они могли бы на деле усвоить все эти нужные знания, как мы их понимаем, в каком состоянии они находятся у нас. Китаец не откажется учиться чему бы то ни было, только была бы цель, а занимать государственную должность там считается высшим почетом и целью всей жизни.

Между тем в чем же заключается у китайцев эта высокочтимая наука? Правда, в классических книгах, которые одни и изучаются всеми и одни требуются на экзаменах, можно найти побольше житейских и государственных вопросов, чем в Ведах, Коране или абидармах; с виду они как будто и не имеют сходства со священными писаниями других народов, но раз они стали предметом долгого тысячелетнего изучения, они стали непреложным кодексом китайского мирозерцания. И из китайского ученого выходит не практический деятель, а отвлеченный мыслитель и моралист.

Не надобно думать, чтоб на экзаменах столичных требовалось знание каких-нибудь новых предметов, отличных от провинциальных, а на этих — от департаментских. Нет, на всех экзаменах фигурируют одни и те же классические книги.

Немного нужно потратить слов, чтоб охарактеризовать эти книги, это так называемые: Четверокнижие и пять цзинов, или канонов. Четверокнижие состоит из: 1) *Да се* — великого учения, или учения для взрослых; это маленький неоконченный трактат о том, как государь проявляет свои доблести в управлении народом, в привлечении иностранцев, в доведении мира до высочайшего совершенства; 2) *Чжун-юн* — сосредоточенность — также небольшой трактат, туманно объясняющий, как учение руководит природой, полученной от неба; 3) *Лунь-юй* — сентенции, приписываемые Конфуцию и его ученикам; 4) *Мэн-цзы* — порицатель непоследующих его конфуцианским идеям.

Во главе канонических книг стоит: 1) *И-цзин* — гадательная книга, в которой к фигурам, составленным из линий, приставлены бессвязные фразы; и из них-то ученые умудрились вывести все метафизические, физические и моральные законы; 2) *Шу-цзин* — разговоры и прокламации древних, еще до Конфуция живших государей об управлении государством; 3) *Ши-цзин* — стихотворения, основанные на народных песнях, оды, гимны; 4) *Чунь-цю* — коротенькая бессвязная летопись, в которой отыскивали мистический смысл, осуждение и одобрение государственных деятелей. Наконец, 5) *Ли-цзи* — заметки о церемониях. Вот и все. Все это было составлено до Р.Х. Ни в одной книге нет даже внутренней связи, и китайцы приступают к изучению прямо без всякого конспекта или катехизиса, который бы облегчил им изучение. Но именно только в преодолении трудностей, заключающихся в разбросанности и бессвязности изучаемых книг, видят лучшее средство к развитию талантов,

мало этого — полагают, что такое изучение воспитывает характер и сердце. Экзамены состоят в составлении наизусть без всяких пособий сочинений на заданные темы из текста классических книг. Экзаменуемый, конечно, погиб, если он не только не припомнит этого текста, но и обязательных для знания на него комментариев. Это, конечно, дело памяти, равно как делом памяти будет и безошибочное письмо. Но правильность и красота слога, удовлетворение обязательным размерам сочинения: чтобы оно не было ни очень коротко, ни очень многословно — это уже показывает будто степень нравственного воспитания, присутствия гения. Действительно, экзаменуемые отправляются перед экзаменами молиться богу хрий, и сочинения первых докторов, читаемые нарасхват по всей империи, считаются чуть не наравне с вдохновенным откровением. И выходит, что эти китайские гении не только не изучали арифметики (куда уж до алгебры и геометрии!), физики, естественной истории, но они не знают систематически даже собственной истории, географии и литературы своего языка.

Что же, и теперь, когда правительство видит собственную слабость, народные бедствия, думаете ли вы, что оно сознаёт необходимость изменить свои взгляды на науку? Напротив, оно твердо уверено, что все зло заключается в том, что ныне развращенные нравы, отсутствие морали, а упадок морали произошел оттого, что ныне не так усиленно учатся, и потому все заботы прилагает к увеличению экзаменационных строгостей!

Не думаю, чтобы и западный мир обязан своим просвещением одним богословам, философам или даже юристам. Но подите убедите вы китайцев, что истинное образование заключается именно в изучении материального мира, что все эти машины, железные дороги, свет и сила электричества и прочие открытия не дело случайности, а продукт опытных реальных наук! Они никак не могут даже вообразить себе, что на свете могут быть доктора таких специальностей, как физика, химия, механика. Все это, по их мнению, не больше как фокусничество. И этих взглядов держится вся нация, а не одна интеллигенция; мы говорили уже выше, как велико число являющихся на провинциальные экзамены, но еще больше учащихся, чтобы получить первую ученую степень на департаментском экзамене. Нет семьи, в которой бы не учились, и все уверены, что наука заключается и должна заключаться в том, чему учатся и учат. Кто же осмелится поднять голос, что это не наука — в один голос поднимется весь Китай и воскликнет: как, разве мы до сих пор были невежды?!

Это будет уже деспотизм нации, той народной воли, которой в других странах хотят подчинить правительства.

Я почитаю это одним из главных препятствий к достижению Китаем истинного прогресса.

Объясняют застой, отсталость и невежество государств и народов их образом правления. Не знаю, почему-то принято считать китайскую форму управления за самую деспотическую. Это представление фиктивное, ни на чем не основанное на деле. Напротив, по принципам, китайское правление едва ли не самое образцовое. Сейчас я говорил, что в правители выбираются самые даровитые, самые образованные личности; может ли в народе явиться протест против такого порядка? Никому и никогда не приходило в голову сомневать-

ся в справедливости такой аксиомы, а это великое дело, когда народ и правительство сходятся во взглядах; это порождает доверие в одних, уверенность в других. Вследствие этого нигде, как в Китае, правительство не выступает с такой откровенностью перед народом и со своей стороны нигде правительство так не доступно народу. Чуть обиженный считает себя неудовлетворенным в провинции, он спешит в столицу, и нет прощения, которое богдыхан не велел бы разобрать, о чем и публикуется во всеуслышание. В Китае нет цензуры, и все повременные издания, памфлеты и книги издаются без всякого просмотра; в прошлом столетии был такой факт: появилось сочинение, направленное против владычества маньчжуров, — сам богдыхан ответил на книгу книгой, заключавшей в себе опровержения и оправдания.

В Китае, конечно, нет конституции, как понимают это слово в других странах, но едва ли не все китайские законы подтверждают эту конституцию на деле; всякому служащему, а в важных случаях и всякому подданному дано право обращаться к богдыхану с представлениями о тех мерах, которые ему кажутся полезными для государства. Еще недавно в пекинской газете было напечатано рассуждение какого-то студента о том, как устроить и содержать армию. Богдыхан всегда отдает такие представления на рассмотрение высших чинов; как самый проект, так и ответ на него всегда печатаются. Редко, и то если представление было уже чересчур вздорно, богдыхан прикажет бросить автору его бумагу-проект в лицо — но другого наказания не полагается.

Мы знаем, что в Китае существует обширный контроль, который наблюдает за правильностью действий всех министерств и учреждений. Не одни только цензоры, но и другие должностные лица могут возражать против распоряжений правительства, доносить дошедшие до них слухи о проделках и злоупотреблениях кого бы то ни было. Мало того, они могут вмешиваться в жизнь самого богдыхана. Известно, что когда у Даугуана¹ одна наложница, побитая им палкой, бросилась в пруд, то один министр вошел с представлением, чтобы богдыхан поменьше занимался серальными делами. Когда покойному Тунчжи² во время его малолетства назначили учителя, то цензор сейчас указал, что этот ученый — лстец. Наконец, не далее как в прошлом году один академик представлял, что императрица-регентша стала мало заниматься государственными делами. Богдыхан никогда не считает себя скомпрометированным, если он утвердил меру, оказавшуюся вредной, — отвечают советники. Богдыхан не задумается предать суду провинившегося родственника. И все это делается гласно, ничто не скрывается от публики.

Вот как понимают в Китае принцип сближения народа с тронем! И что же? Ни народ, ни правительство при таких принципах не находят что сказать друг другу дельного и путного! Таково влияние абстрактных наук.

Что мудреного, что Китай дошел в свое время до полного унижения. Правительство теснило два с половиной века тот народ, который и после этого

¹ Айсиньгёро Мяннин — восьмой император династии Цин, правил под девизом «Даогуан» (Прим. ред.).

² Айсиньгёро Цайчунь — десятый император династии Цин, правил под девизом ыз«Тунчжи» (Прим. ред.).

продолжительного застоя может все-таки вынести его на плечах. Оно принимало все меры держать его и себя в неведении о том прогрессе, который совершался в материальной обстановке других стран. Оно не позволяло своим подданным отправляться в чужие страны и для этого запретило даже изменять форму своих допотопных судов; у него были обширные незаселенные местности: Маньчжурия, Монголия, Туркестан, Тибет, — а жителей собственного Китая, при возрастающем в страшной пропорции населении, заставляли умирать с голоду на однажды ограниченном им пространстве: это переселение и расселение считалось не неизбежным злом, а прямым преступлением — китаец, оставивший родину, не смел уже в нее возвратиться, и его вывозили как раба вместо негров на плантации, в Америке. Вот где кроется тайна китайского застоя.

И вот, под давлением европейского превосходства китайское правительство должно было отказаться от своей вековой политики, но оно, кажется, еще не вполне помирилось со своими уступками; оно, может быть, еще затаило мысль возвратиться к старым порядкам, мстить своим притеснителям. Так, оно игнорирует еще европейские науки, так, большинство его войск все еще вооружены луками и стрелами. Когда опасались неприязненных действий со стороны России, то в Маньчжурии набрали 10 000 волонтеров и вооружили их пиками и заржавленными саблями. Итак, правительство, кажется, не пришло еще к убеждению, что самое лучшее мщение наступит тогда, когда оно вполне развяжет руки своему народу.

Теперь еще невозможно судить о степени того прогресса, до которого может достигнуть китайская нация. Не прошло еще и десяти лет с полного замирения Китая, еще менее со времени восстановления владычества пекинского двора во всех принадлежавших ему землях — я разумею Туркестан и Цзюнга-рию¹, — но посмотрите, что сделано уже и за это время. Европейцы приневолели Китай открыть доступ торговле с ними по всем приморским гаваням, они проникли даже в центр Китая — в Ханькоу; но китайцы успели уже за это время захватить в свои руки торговлю европейскими товарами; в самих европейских конторах сидят уже приказчиками китайцы. Китайцы не новички в торговых оборотах, они привыкли к ним с начала своего исторического быта; о скаредном купце Лаосире² уже воспевается в классических книгах. И, может быть, недалеко уже то время, когда Китай не будет нуждаться в европейских товарах, как он сократил и ввоз английского опиума, добывая его у себя. Европейские товары проникли в Китай благодаря дешевизне машинного производства; но кто же станет отрицать возможность китайцев завести у себя фабрики и заводы? У них множество капиталистов, ворочающих миллионами, у них небывалая дешевизна рук, а народ готов всем заняться, оказывается ко всему способным. Европейцы думали сначала, что они со своими пароходами

¹ Джунгарию (Прим. ред.)

² По всей видимости «лаосиэр» (老西儿) — не имя, а наименование выходца из провинции Шаньси. Жадный купец лаосиэр упоминается, например, в романе писателя позднего времени У Цзяньжэня (У Вояо) (1866—1910) «Странные события, увиденные собственными глазами за двадцать лет».

завладеют всеми водными путями; китайцы сами завели свои пароходы, управляемые туземными механиками, и отбили уже хлеб у европейцев. Великое дело, это дешевизна рук и способности народа! Китайцам легко завести у себя самое машинное производство, строить железные дороги, и все это будет у них дешевле и лучше, чем в других странах. И вынужденная сначала торговля с европейцами приведет, может быть, к тому, что те же товары, которые ввозятся теперь в Китай, пойдут обратно из него к иностранцам; ведь прежде вывозили же из Китая бумажные материи, которые теперь навязали ему.

Может проявиться конкуренция и с другой стороны. В Китае нет такой невероятной разницы в оплате труда, какая встречается у нас, смотря по достоинству труда. Что бы ни говорили, а ведь и он имеет свои артистические вкусы; он уважает также живопись, скульптуру, пение, музыку, театральные представления. Все это, по-нашему, грубо, дико, а китаец восторгается, и восторгается потому, что в этих непонятных нам искусствах видит преодоление трудностей. И они даются не даром китайским артистам, они достигают этого своего условного совершенства тоже долгим усидчивым трудом и упражнением; они, может быть, положили труда даже больше, чем наши артисты, потому что там больше конкуренции. И что же? Там самый лучший лекарь получает за визит не более нашего ассигнационного рубля, лучший живописец готов работать у вас за эту цену целый день; портной шьет за столько же целый китайский костюм; фокусник, музыкант, певец не выработают в сутки более цирюльника или оператора, который вымоет вам ноги и обрежет мозоли и ногти. На весь Китай был в свое время знаменит актер Чжан Эркуй¹, а и ему платили не более двух рублей за целые сутки. Упомяну кстати, что и учителя там недороги; недавно правительство восстановило школу для принадлежащих к царской крови; каждому учащемуся, попавшему в штат, оно положило выдавать на содержание по 3, а учителям по 5 лан.

И мнится мне, что когда китайцы узнают, какие у нас получают деньги Патти, Сара Бернар, Коклэны и прочие артисты, так они скорее лопнут, а не перестанут учиться, чтобы сравняться с ними!

Во всяком случае, несомненно то, что для европейской торговли нет обеспеченного сбыта. Китайская жизнь и обстановка совсем другие, чем в Европе, китаец и ест и пьет совсем не то, что мы. Не думаем, чтобы когда-нибудь ему пришла фантазия уподобиться европейцам и по неприложимому по климату образу жизни. Может быть, когда разовьется внешняя торговля, ему понадобится выписывать сырые материалы из-за границы, но для собственного обихода у него достаточно и хлопка и шерсти. Первый и прежде вывозился из Туркестана; степные и горные владения лежат в тех градусах широты, которые благоприятны для тонкорунного овцеводства. Известно, как высоко ценятся на Западе так называемые тибетские меха, но никому не известно, кажется, что в свое время в Нинся, неподалеку от гор Алашаньских, через которые проходил и г. Пржевальский, выделялись чрезвычайно дешевые материи из козьего пуха и тибетские караваны запасались ими на возвратном

¹ Чжан Эркуй (1814—1864) — знаменитый актер Пекинской оперы в амплуа шэн (старика). (Прим. ред.)

пути из Китая для отправки в Индию. Неизвестно, вероятно, также, что бывший г[енерал-]губернатор Цзо Цзунтан понял значение шерсти и уже основал первую суконную фабрику в Китае.

Не надобно забывать также, что во всем свете не добывалось столько шелку, как в Китае; простые ткани в свое время продавались в нем немногим дороже бумажных и если в настоящее время не дошли до прежней ценности, так только потому, что пока не восстановлены вполне те плантации шелковицы, которые были истреблены инсургентами.

Итак, Китай может обойтись без иностранного привоза, может освободиться от него, но большая часть света не может обойтись без китайских произведений. Вот почему, когда Китай не знал страха и другие боялись помериться с ним силами, все державы заискивали благосклонности пекинского двора. Переносили не только унижения, но даже оскорбления; известно, что еще при прежней династии португальский посланник получил пощечину от китайского пристава за то, что не вышел к нему на крыльцо и не встал перед ним на колени.

Можно, пожалуй, обойтись без китайского шелка, корицы, фарфора и прочего, но можно ли будет обойтись без чая? Вот предмет, который будет долго еще господствовать на всемирном рынке и который не заменят все плантации Ас[с]ама и Бразилии. Китайскому правительству рано еще, конечно, поднимать чайный вопрос, но оно не может не понимать его значения. В 20-х годах настоящего столетия западные границы собственного Китая подвергались постоянным нападениям со стороны тибетских горцев, китайские войска были неоднократно разбиваемы и не осмеливались забираться в горы. Какие же меры приняло правительство? Тогдашний губернатор (Наяньчэн¹) расставил во всех пограничных проходах довольно сильные отряды, чтоб защитить их от нападения, и запретил отпускать чай, без которого не могли обойтись привыкшие к нему тибетцы. Не прошло нескольких месяцев, как они смирились, выслали аманатов, признали власть постановленных над ними сотников и тысячников.

Конечно, для такой меры против иностранцев, приезжающих со стороны моря, надобно иметь большую силу. Но когда эта сила явится, что тогда будет? Не воротятся ли к прежним преданиям, что богдыхан есть та неподвижная звезда, около которой вращаются прочие светила! Не забудем, что никакая в свете держава не имеет таких превосходных данных для создания первой в свете армии. Там не к чему производить насильственные или обязательные наборы; там только бы открылась вакансия, на одну явятся несколько охотников, которые заранее готовились и обучались всем военным артикулам. Конечно, экзаменационные требования были до сих пор смешны, но кто же мешает изменить эти требования? Не надобно забывать, что кроме 800-тысячной армии, набираемой из простых китайцев, у правительства есть еще 24 гвардейских корпуса, в которых числятся все потомки помогавших ему в завоевании Китая маньчжуров, монголов и предавшихся прежде китайцев. К этим корпу-

¹ Наяньчэн (1764—1833) — крупный сановник цинского времени.

сам принадлежат и потомки императорского дома, которых теперь насчитывают до 100 000.

Говорят, китайцы — трусы, да как же не быть трусом, когда встречаешь неприятеля, вооруженного дальнобойным оружием, с луками и стрелами! И здесь еще является вопрос, создало ли китайское правительство, что ему нужно оставаться еще при своем мирозерцании, но, мало того чтобы запастись по частям европейским оружием, заказывать за границей миллионные мониторы, должно у себя водворить со своей стороны вполне военную науку, как она изучается на Западе. И какой отличный компромисс представляется ему уладить со своим традиционным взглядом на старую науку. Пусть мирные граждане продолжают наслаждаться изучением своих моральных авторов, а реальные, технические науки предоставлены будут на долю этих материалистов военных. Этого требовала даже и политика. Мы сейчас упомянули о количестве гвардейских корпусов; это единственно верный оплот маньчжурского правительства, потому что с ним тесно связаны их интересы и судьба. Изменись династия, все они не только останутся без куска хлеба, но едва ли сохранят и жизнь. Дав им новое образование, оно дало бы им возможность увеличить средства к жизни.

Надобно заметить, однако, что главным препятствием к увеличению боевых средств в Китае служит недостаточность бюджета, и эта недостаточность возведена тоже в своего рода принцип. Запрещено, например, добывать и разрабатывать серебряные и золотые руды. В Тибете, Туркестане, Монголии, Маньчжурии — всюду и теперь, по самым поверхностным данным, можно указать наверное, где они находятся. Но правительство при всем своем недостатке пока упорно игнорирует эти естественные богатства, потому что высшие мыслители его выразились некогда, что не в презренном металле заключается истинное богатство, а в труде и в добрых нравах. В Китае существует строгий закон, чтобы никто не осмеливался входить к правительству с представлением мер, могущих увеличить государственные доходы; там и понятия не имеют о таких налогах, которые практикуются в других странах; там ни купцы, ни лавки не платят ни гильдейских повинностей, ни торговых свидетельств. Там нет акциза на вино, табак, сахар, чай и пр. С какой стати, говорят, оплачивать снова то, что получено из земли, за которую взят уже налог. Домохозяева всей столицы не вносят ничего на городское устройство; полиция не имеет права приступить к хозяину дома, чтоб он поправил разрушившийся от дождей забор, починил тротуар, выставял дворника. «Поправляй, чини сама», — скажет он ей, — если тебе это нужно». Все это может быть хорошо и правильно; однако с тем ограниченным бюджетом (80 миллионов в полном размере, который никогда не поступает вполне) трудно справиться с издержками, жертвуемыми другими государствами на военную часть. Правительство могло бы увеличить ввозные и вывозные пошлины, но оно связано иностранными договорами, а чтоб освободить себя от них, нужна сила. Так и выходит, что одно связано с другим. Однако же нельзя не упомянуть, что Китай едва ли не единственная в мире блаженная страна, которая не обременена еще ни внутренними, ни иностранными долгами.

Европейцы принуждали Китай силой открыть в свою страну доступ иностранцам — правительство их не сгонит, но они недолго удержатся и в тех местах, в которых поселились, потому что китайцы начали отбивать у них хлеб. Между тем, вследствие тех же насильственных договоров, заставив китайское правительство снять запрещение своим подданным выезжать из Китая, теперь сами договаривавшиеся, открыв в свои владения доступ китайцам, не знают уже, как от них отделаться. Прежде, как мы видели, китайская раса, преобразенная в варваров-номадов, двигалась на запад; теперь она, сняв маску, устремилась на восток и юго-восток, чтобы наполнить острова Восточного океана и западные берега Америки. Я не думаю, чтоб гонение на китайцев могло долго продолжаться вследствие экономических и политических причин. Притом китайцы так терпеливы и вкрадчивы, что сумеют сделать себя необходимыми. Мне кажется чрезвычайно странным и неестественным это отступление образованных наций от выработанных ими же экономических условий. За что гонять китайцев? За то, что они предлагают в чужой стране, нуждающейся в руках, дешевый труд. Это не евреи, которые неспособны производить, китаец готов приняться за всякую работу: трудиться ли в рудниках, прорывать тоннели и каналы, строить дома и железные дороги; он оказывается отличным мастеровым, швеею, даже прачкой. И во всех этих работах он берет цену вдвое, втрое меньше против существующей в данной местности. Какой же от того вред, какой вред от того, что он, сколотив своими мускулистыми руками несколько десятков рублей, увезет их на родину, оставив на вечное время плоды своей деятельности? Это гонение может представить отличный случай к заступничеству и вмешательству китайского правительства. Уже и теперь достаточно китайцев на островах Восточного океана, чтоб при сильном флоте сделать его Китайским морем. Недавнее участие пекинского двора в делах Кореи показывает, с другой стороны, что оно не только может со временем отыскать своих подданных, где бы они ни жили, но что оно стремится возвратить свои права и на другие вассальные земли: Кохинхину, Сиам, Бирман, Непал и Ладак. И какая действительно всемирная империя может представиться в будущем от Алтая до Новой Голландии включительно!

Нам кажется, что другие правительства не умеют справляться с приходящими к ним китайцами так, как справлялись с ними в древности обитатели нынешней Монголии. Им надо стараться их ассимилировать. Китаец ныне держит себя изолированно в чужой земле и тем сохраняет свою национальность, потому что туземцы его чуждаются и отталкивают от себя. Он потому и думает о возврате на родину, что в чужой земле нет у него под ногами твердой почвы. Он от природы земледелец, дайте ему клочок земли, и он может сделаться сыном новой родины. С какой радостью будет он посылать своих детей в туземную школу, за какую честь почтет он для себя право служить. Это большая ошибка думать, что китаец неспособен превратиться в туземца; он и на родине готов был превратиться в маньчжура, принял уже маньчжурский костюм, стал было учиться маньчжурскому языку.

Превращая китайцев в туземцев, можно только отпарировать будущую опасность со стороны собственного Китая; с помощью этих перерожденцев можно ослабить его и политическое и производительное влияние.

Итак, из всего сказанного можно вывести только одно. Пред нами показалась пока еще только заря китайского прогресса, но настанет ли после нее ясный рассвет, будет ли безоблачный день для Китая и очень бурный для остального мира — это вопрос будущности. Мы видим, что все будет зависеть от китайского правительства, а ему представляется немало затруднений, и мы не можем еще утверждать, что оно твердо решилось идти по пути необходимых реформ.

Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтобы достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне. Китайская ученость старого времени хотя и неудовлетворительна, но она приучила их к критике, к глубокой тщательной разработке предмета. Тысячелетнее существование нации, устраивавшей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным соображением, придумыванием, обещает, что и новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобретателей.

Китайцы могут отличаться и в артистическом и художественном отношении. Далее, нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами. Может дойти дело даже до того, что китаец захватит все рынки и промыслы всего света.

Рука об руку или даже идя впереди этого движения, может возрасти до невероятной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить все находящиеся и теперь уже под властью Китая земли, как явится обширная империя с миллиардом народа, развитого и деятельного. Захватив богатейшие в мире острова Восточного океана, Китай в одно и то же время может угрожать России и Индии, Америке и Западной Европе. При силе у него достигнет бессердечия вырезать всех непокорных, хоть весь мир. Весь мир будет населен одними только китайцами — вот до чего может разыгаться фантазия будущего возможного, которое теперь называется невозможным.

Но не надобно забывать, мало ли что может быть впереди, а мы знаем, что есть один прогресс, в котором сомневаться уже нечего, которым действительно китайцы удивили и перещеголяли весь мир. Это невообразимый прогресс опиумокурения. Прежде курили немногие, и то только в некоторых приморских городах, ныне курят не только во всем Китае, но даже в Монголии и Маньчжурии; прежде курили тайком, ныне гостю вместо обычной чашки чаю предлагают опиумную трубку. Прежде курили опиум, продаваемый одними англичанами, ныне разводят его не только по всем провинциям, начиная от Бирмана до полуострова Шаньдуна, но и за Великой стеной. Когда нельзя подкупить начальство, которому предписывается истреблять опиумные посевы, то сеют, чтоб не заметили, между другими хлебами. И есть ли надежда,

что это опиумокурение можно не только прекратить совсем, но хотя бы не дать ему распространиться? Пробовали же народы и правительства бороться в свое время с распространением табака и оказались бессильны. Не дошло ли уже и теперь опиумокурение до тех размеров, которых достиг в Китае табак. Там курят не только мужчины, но и женщины, там к табаку привыкают с малолетства, потому что матери часто суют детям, как заплачут, вместо соски в рот трубку. Но, конечно, если опиум и не распространился еще теперь до размера табака, то он со временем превзойдет его. От табака еще можно отвыкнуть, от опиума отстают только со смертью, которая от него неизбежна. Можно жить с потребителями табака и не привыкнуть; поживши несколько в опиумной атмосфере, у самого является охота и позыв. Известно, что в доме, в котором живет опиумокур, не только он сам совсем опускается пред наступлением позыва, но даже кошка, птица в клетке и те опускают голову, мышь перестает скрестить под полом. И только показался дым от закуренной трубки, как все оживает — и кошка глядит весело, птица издает радостные трели, а сам опиумокур наслаждается блаженными минутами упоения.

Выше я говорил, какие огромные жертвы унесла с собой китайская инсургенция, но не будет ли опиумокурение истребительнее и продолжительнее самой кровавой междоусобной резни? И невольно приходит на ум, что не лучше ли уж предоставить азиатцам резаться, чем развивать в них переходящую из поколения в поколение смертоносную страсть. Ведь опиумокурение водворилось тоже под давлением европейской державы, нашло себе покровительство в пушечных выстрелах высокопросвещенной и гуманной нации.

Который же из двух китайских прогрессов восторжествует?